

*Памяти моего товарища
по движению “Свободная Франция”
Робера Колькана*

1

Землянку закончили на рассвете. То был ненастный, дождливый сентябрьский рассвет; в тумане плыли сосны и взгляд не достигал неба. Целый месяц они тайком работали по ночам: с наступлением сумерек немцы не отваживались сходить с дороги, но днем их патрули часто прочесывали лес в поисках немногочисленных партизан, которых голод или отчаяние еще не вынудили отказаться от борьбы. Нора была три метра в глубину и четыре в ширину. В углу они бросили матрас и одеяла; десять мешков картошки, по пятьдесят кило в каждом, выстроились вдоль земляных стен. В одной из этих стен, рядом с матрасом, выдолбили очаг: труба выходила наружу в нескольких метрах от землянки, посреди зарослей. Крыша была прочной: они взяли дверцу бронепоезда, который год назад подорвали партизаны на железнодорожном пути Вильно — Молодечно.

- Не забывай каждый день менять ветки, — сказал врач.
- Не забуду.
- Следи за дымом.
- Хорошо.
- И самое главное: никому ничего не говори.

— Не скажу, — пообещал Янек.

Отец и сын с лопатами в руках любовались своим творением. “Хорошая *kryjówka*¹, — подумал Янек, — за кустами совсем не видно”. Даже Стефек Подгорский, более известный в школе Вильно под кличкой Виннету, благородный вождь апачей (сам Янек в сообществе “краснокожих” носил славное прозвище Верная Рука), даже Виннету не догадался бы о ее существовании.

— Сколько я здесь проживу, папа?

— Недолго. Немцев скоро разобьют.

— Когда?

— Не надо отчаиваться.

— Я не отчаиваюсь. Но хочу знать... Когда?

— Может, через пару месяцев... — Доктор Твардовский посмотрел на сына. — Прячься.

— Хорошо.

— И не простудись. — Он вынул из кармана браунинг. — Смотри. — Он показал, как пользоваться оружием. — Береги его как зеницу ока. В сумке пятьдесят патронов.

— Спасибо.

— А сейчас мне нужно идти. Вернусь завтра. Спрячься хорошенько. Оба твоих брата убиты... Ты — все, что у нас осталось, Верная Рука! — Он улыбнулся. — Наберись терпения. Наступит день, и немцы отсюда уйдут... Те, что еще будут живы. Думай о матери... Далеко не отходи. Будь осторожен с людьми.

— Хорошо.

— Будь осторожен с людьми.

Врач растворился в тумане. Взошло солнце, но все вокруг оставалось таким же серым и расплывчатым: пихты по-прежнему плыли сквозь марево, развернув

¹ Землянка (польск.). — Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примечания автора.

ветви, словно тяжеленные крылья, которые не колышет ни единое дуновение. Янек пробрался сквозь туман и поднял железную дверь. Спустился по лестнице и лег на матрас. В землянке было темно. Он встал и попробовал развести огонь: дрова оказались сырыми. В конце концов ему все-таки удалось их поджечь, он лег и взял большой том “Виннету — краснокожий джентльмен”. Но читать не смог. Глаза сомкнулись, тело и сознание сковала усталость... Он погрузился в глубокий сон.

2

Следующий день он провел в своей норе. Перечитал ту главу книги, где Верной Руке, привязанному к столбу перед казнью, удалось обмануть бдительность краснокожих и бежать. Это было его самое любимое место. Он испек на углях картошки и поел. Труба плохо вытягивала, и вся землянка наполнилась дымом, разъедавшим глаза... Янек не решался выходить. Знал, что снаружи одному будет страшно. А в своем укрытии он чувствовал себя в безопасности.

Доктор Твардовский пришел с наступлением темноты.

— Добрый вечер, Верная Рука.

— Добрый вечер, папа.

— Ты не выходил?

— Нет.

— Тебе не было страшно?

— Мне никогда не страшно.

Доктор печально улыбнулся. Он казался старым и уставшим.

— Мама велела, чтоб ты молился.

Янек подумал о братьях. Мама много за них молилась.

- А зачем молиться?
- Просто так. Делай, как сказала мама.
- Хорошо.

Врач остался с ним на всю ночь. Они почти не спали. Но говорили мало. Янек спросил только:

- А почему ты тоже не спрячешься?
- В Сухарках много больных. Тиф, знаешь ли... Где голод, там и эпидемии. Я должен быть с ними, Верная Рука. Понимаешь?
- Да.

Всю ночь врач поддерживал огонь в очаге. Янек не смыкал глаз, наблюдая, как поленья сначала краснеют, а потом чернеют.

- Ты не спишь, мой мальчик?
- Нет. Папа...
- Да?
- Сколько это будет продолжаться?
- Не знаю. Никто не знает... Ни один человек.

Вдруг он сказал:

- На Волге сейчас великая битва...
- А где это?
- На Волге. Под Сталинградом... Люди сражаются за нас.
- За нас?

— Да. За тебя, и за меня, и за миллионы других людей.

Дрова горели и потрескивали, превращаясь в золу.

- А как называется эта битва?
- Сталинградская. Она длится уже несколько месяцев. И никто не знает, сколько еще она будет продолжаться и кто в ней победит...

Уходя на рассвете, доктор сказал:

- Если с нами что-нибудь случится, с твоей мамой и со мной, ни в коем случае не ходи в Сухарки. Продуктов тебе хватит на несколько месяцев. А когда кон-

чатся и если заскучаешь от одиночества, иди к партизанам...

— А где они?

— Не знаю. Их немного осталось. Прячутся в лесу. Найди их... но ни в коем случае не показывай им землянку. Если станет худо, ты всегда сможешь здесь укрыться.

— Хорошо.

— Но не бойся. Со мной ничего не случится.

Доктор пришел через день. Пробыл недолго.

— Я не могу оставить маму одну.

— Почему?

— В Сухарках убили немецкого унтер-офицера. Они берут заложниц.

— Как краснокожие, — сказал Янек.

— Да. Как краснокожие. — Доктор встал. — Не опускайся... Будь опрятным. Делай, как учила мама.

— Хорошо.

— Не трать спички. Держи рядом с очагом, в сухом месте. Без них умрешь от холода.

— Я все сделаю. Папа...

— Да, малыш?

— Та битва?

— Ничего нового. Трудно сказать, что там сейчас происходит. Мужайся, Верная Рука! До скорого.

— До скорого, папа.

Доктор ушел. И больше не вернулся.

3

В Сухарках уже пять дней квартировала дивизия СС “Дас Рейх”, изрядно потрепанная после нескольких недель на Сталинградском фронте, откуда отеческими заботами фюрера ее наконец-то отозвали.

Дивизия впервые участвовала в боях. Высшее командование с большой неохотой бросило элитное подразделение в смертельную битву; обычно дивизия действовала в тылу, на оккупированных территориях, где ей поручали специальные щекотливые задания, выполнять которые порой претило регулярным частям немецкой армии.

Спустя сутки после вступления дивизии в Сухарки два грузовика СС уже неслись на полной скорости по улицам деревни, утопавшим в серых туманных сумерках. Обнаженные ветви деревьев, колокольни и кровли словно бы сливались с небом в бездымной, безмолвной неподвижности.

Они не встретили почти никакого сопротивления: большинство взрослых мужчин ушли в леса.

Несколько душераздирающих воплей, пара выстрелов, звон разбитого стекла и треск выломанных

дверей — и вот уже грузовики на большой скорости мчатся обратно, увозя два десятка перепуганных молодых женщин в летнюю резиденцию графов Пулацких в трех километрах к югу от Сухарок по дороге в Гродно.

Дивизия “Дас Рейх” уже не раз прибегала на оккупированных территориях к этой военной хитрости, почти всегда приносившей успех. Согласно историческому признанию гауляйтера Коха, который придумал этот изобретательный маневр, он позволял соединить “приятное с полезным” и подтверждал “высокое идеалистическое представление” о человеческой природе¹.

Едва узнав о том, что их дочери, сестры, жены и невесты отданы для утех немецким солдатам, партизаны, несмотря на отчаянные усилия командиров, пытавшихся их удержать, выходили из леса и бросались на помощь женщинам, на что враг и рассчитывал. Оставалось только спокойно покуривать за пулеметом, дожидаясь, пока люди, обезумевшие от отчаяния, сами ринутся в атаку, появившись на линии прицела, где все было готово к их встрече. Этот план повсюду приносил прекрасные результаты, но в отношении поляков, отличавшихся обостренным чувством мужской чести, он был, если можно так выразиться, безошибочным.

Вилла графов Пулацких была построена в конце XIX века французским архитектором, очевидно, под влиянием Трианона. Это был летний дворец — “загородный домик”, как говаривали в ту эпоху, — с гостинными, театром, фресками и деревянными панелями. Во время боев 1939 года он почти не пострадал, но за-

1 Я узнал, что эти слова в действительности принадлежали другому человеку, но вкладываю их в уста гауляйтера Коха, чтобы сохранить память о нем.

брошенность и мародерство сделали свое дело. Почти все окна были выбиты, и некоторые “пансионерки” пытались вскрыть себе вены осколками стекол; пришлось даже поставить во внутренних помещениях охрану. Там царили холод и сырость, притуплявшие чувства пленниц и делавшие их менее восприимчивыми к испытаниям. Два дня спустя после начала операции “Волк из леса”¹ — под таким обозначением она фигурировала в оперативных шифровках дивизии — семьям удалось подкупить охрану и передать молодым женщинам теплую одежду и одеяла.

Вокруг “загородного домика” простирался французский парк, вплотную примыкавший к лесу. На цементном дне искусственных прудов, откуда торчали ржавые трубы, гнили ветки и палая листва; аллеи окаймляли купидоны, Венеры и полный набор мраморных статуй образца 1900 года. Солдаты денно и ночью стояли на часах в изящных беседках, куда некогда гости графов Пулацких приходили флиртовать, мечтать под луной, любоваться фейерверками или рассеянно смотреть спектакли в зеленом театре, в котором сейчас размещалось пулеметное гнездо.

Эсэсовцы принесли во дворец печь, но угля для обогрева огромных комнат не хватало; немного теплее было только в большой бальной зале, богато украшенной золотисто-голубыми панелями, с потолком, расписанным в манере Тьеполо ангелочками и богинями. Женщины находились в этой зале, куда немцы приходили их выбирать. За первые двое суток здесь побывало около трехсот солдат.

На рассвете второго дня отряд из двенадцати партизан вышел из леса и двинулся через парк цепью, стре-

1 “Волка выгоняет из леса не только голод, но и любовь” (гауляйтер Кох).